

Фонвизин Сергей Иванович

В смутные дни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
В смутные дни / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 458 с.

ISBN 978-5-521-28539-6

ISBN 978-5-521-28539-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

порученій—онъ намъ все это и рассказывалъ—схватилъ его за рукавъ и удержалъ. И, представьте себѣ, Петенька увѣряетъ, что Размахъ правъ, что, по закону, на станціяхъ существуетъ какая-то полоса ограниченія, или огражденія... что-то въ этомъ родѣ,—словомъ, такое мѣсто, гдѣ никто, кромѣ желѣзнодорожнаго начальства, распоряжаться не можетъ... Вы этого не знаете?

— Существуетъ такъ называемая полоса отчужденія, но не думаю, чтобы въ такихъ даже случаяхъ, какъ забастовка, высшая администрація не имѣла права распоряжаться тамъ. Впрочемъ, при нашихъ дурацкихъ порядкахъ все возможно.

— И чиновникъ особыхъ порученій того же мнѣнія... Знаете, онъ также мнѣ очень нравится этотъ чиновникъ. Совсѣмъ еще юный и скромнень, какъ дѣвушка. Я ему говорю, что у него красивыя брови, а онъ какъ вспыхнетъ... Ужасно люблю такихъ мальчугановъ.

— У васъ, Софочка, сердце широкое. Вы навѣрное попадете въ рай. „Много она любила“... знаете?

Софочка какъ будто смутилась и вопросительно уставилась на Хорвата. Но тотъ не глядѣлъ на нее. Тогда она поднялась на локтѣ и, обхвативъ другой рукой его шею, прижалась къ груди и, заглядывая въ глаза, произнесла кокетливо:

— Вы находите? Что-жъ, пожалуй... Но теперь я люблю одного моего дорогого, хорошаго Арти...

Хорватъ отвелъ ея руку и привсталъ.

— Мнѣ пора. У меня есть дѣла,—сказалъ онъ, наклоняясь и доставая башмаки.

Софочка рѣзкимъ движеніемъ откинулась на подушку.

— Очень мило!—выговорила она обиженнымъ голосомъ.—У него дѣла... У меня тоже—дѣла и, навѣрное, побольше, чѣмъ у васъ, а я всегда нахожу время для свиданій и не думаю лишь о томъ, чтобы поскорѣй уйти. Вообще,—она пожала плечами:—совсѣмъ какая-то странная любовь. Я пишу ему нарочно цѣлое письмо, умоляю придти въ клубъ, а онъ ни только не является, но даже не говоритъ объ этомъ... Какъ будто я не писала, не просила. Вы думаете, мнѣ было пріятно, что единственный человекъ, котораго я люблю, не пожелалъ присутствовать на моемъ торжествѣ? Такое отношеніе къ любимой женщинѣ прямо возмутительно, и я готова...

Она оборвала на полусловѣ, почувствовавъ, что продолжать не можетъ, что и того, что она сказала, говорить не слѣдовало. Хорватъ повернулъ голову и смотрѣлъ на нее такимъ холодно-напряженнымъ

и, вмѣстѣ, отсутствующимъ взглядомъ, что ей стало жутко. Она чувствовала, что ея—Софочки—уже нѣтъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ она только что находилась, образовалось совсѣмъ пустое пространство, и такъ тяжело и непріятно было это ощущеніе, что ей неудержимо захотѣлось уйти отъ этого взгляда, съ головой закутаться въ простыню. Но Хорватъ уже отвернулся и, продолжая шнуровать башмакъ, произнесъ обычнымъ, небрежнымъ тономъ.

— Вы сказали: „такое отношеніе къ любимой женщинѣ“. Но на какомъ основаніи вы думаете, что вы для меня любимая женщина, что я васъ люблю?

— То есть, какже это?—И Софочка съ недоумѣніемъ широко раскрыла глаза.

— Во всякомъ случаѣ, за все время нашего знакомства я ни разу не сказалъ, что васъ люблю.

— Арти, что вы говорите?

— Быть можетъ, по вашему, спать съ женщиной и любить ее—тоже самое?

— Арти, Арти, перестаньте!

Въ негодованіи Софочка замахала даже ручками. Но Хорватъ шикнулъ на нее и насторожился. Ему показалось, что стучать въ дверь, и онъ, наклонивъ голову, внимательно прислушивался.

— Кто-то къ намъ стучитъ,—сказалъ онъ наконецъ, вставая и выходя за перегородку. Тамъ стукъ былъ слышенъ уже совсѣмъ ясно. Стучали въ дверь смежнаго номера быстрыми мелкими ударами, точно пересыпали крупную дробь.

„Это—Левашко“, догадался Хорватъ и, повернувъ ключъ, отворилъ дверь. Въ образовавшееся отверстіе показалась представительная лакейская фигура во фракѣ, съ лысиной во всю голову, порядочнымъ брюшкомъ и сѣдыми расчесанными баками. Нѣсколько быстрыхъ, произнесенныхъ шопотомъ словъ, и Хорватъ, кивнувъ головой, затворилъ дверь. Проходя мимо отвореннаго окна, онъ высунулся и смѣрилъ глазами разстояніе до земли. Комната находилась въ нижнемъ этажѣ и до мостовой было не болѣе сажени. Выпрямившись, онъ невольно усмѣхнулся. Стоявшая на противоположной сторонѣ улицы группа изъ трехъ человѣкъ, увидѣвъ, что ее замѣтили, растерянно затопталась на мѣстѣ и потомъ быстро разошлась. „Даже сторожей поставили, чтобы не убѣждали черезъ окно... Собрали, значитъ, подробныя свѣдѣнія“, подумалъ Хорватъ и, вернувшись за перегородку, произнесъ съ улыбкой:

— Ну, Софочка, мы, кажется, попались. Вашему мужу насплетничали, и онъ сейчасъ явится сюда. Одѣвайтесь поскорѣй. Можетъ быть и удастся еще выбраться.

— Какой вздоръ!—недовѣрчиво выговорила Софочка.—Чтобы мой Петенька... Ха-ха-ха!.. Да вы это—нарочно, чтобы поскорѣй отъ меня избавиться...

— Полноте. Я не шучу. Одѣвайтесь скорѣй.

Тогда Софочка заволновалась, вскочила и начала суетливо собирать свои вещи, которыя, по обыкновенію, разбросала повсюду.

— Не суетитесь, Софочка. Я все принесу.

Онъ довязалъ галстукъ, надѣлъ платье и вышелъ за перегородку. На столѣ, около полуопорожненной бутылки Икема, лежалъ черный шелковый корсетъ, а рядомъ—на диванѣ—юбка и панталоны. Захвативъ съ подзеркальника шляпу и шпильки и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ комнату, не осталось ли еще чего-нибудь, онъ вернулся за перегородку.

— Вы бы потарапливались. Тутъ каждая минута дорога, а вы все еще не можете справиться съ прической. На этотъ случай, фризюру можно было бы и не надѣвать.

— Ахъ, Боже мой! Тогда и шляпа не станетъ держаться,—плачущимъ голосомъ выговорила Софочка.—Я теперь—быстро, быстро, быстро!.. Ну, гдѣ же панталоны, куда вы ихъ дѣли?

— Да тутъ онѣ, передъ вами... Не суетитесь, будьте спокойнѣе, тогда и...

Его прервалъ громкій стукъ въ дверь.

— Впрочемъ, теперь поздно. Слушайте, Софочка,—онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку:—постарайтесь понять и запомнить. Къ вамъ, сюда за перегородку, я никого не пущу. Одѣвайтесь спокойно, можете даже шумѣть—это все равно. Потомъ я проведу васъ въ сосѣдній номеръ и сдамъ вѣрному человѣку, который выведетъ васъ изъ гостиницы. Но, все-таки, потарапливайтесь и, главное, не бойтесь и не волнуйтесь.

Онъ успокоительно пожалъ ея руку и пошелъ къ двери, въ которую теперь уже не стучали, а ломились.

— Кто стучитъ? Что надо? Зачѣмъ ломаете дверь?—спросилъ онъ громко.

На мгновеніе въ коридорѣ все стихло, и движеніе двери прекратилось. Потомъ слышно было, какъ нѣсколько голосовъ заговорили сразу, произошло какое-то движеніе, дверь заходила еще сильнѣе, и

уже распатанная задвижка не выдержала и слетѣла. Дверь широко распахнулась, и въ нее, подѣ напоромъ стоявшихъ сзади, головой впередъ, влетѣлъ небольшого роста кругленькій человѣчекъ, котораго Хорватъ принялъ въ объятія, чѣмъ избавилъ его отъ неминуемаго паденія.

— Петръ Герасимовичъ! Какими судьбами?—произнесъ Хорватъ, отступая и насмѣшливо глядя на еле-державшагося на ногахъ—краснаго, потнаго, съ прилипшими къ вискамъ волосами и сдвинутой на затылокъ шляпой—мужа Софочки.—Вѣроятно у васъ очень спѣшное дѣло, если вы пришли меня разыскивать даже сюда, притомъ способомъ несовсѣмъ обычнымъ?

Клячко еще быстрѣе заворочалъ бессмысленно-недоумѣвающими глазами и вдругъ широко улыбнулся.

— Ахъ, это вы, Артемій Артемьевичъ! Извините... Я, знаете, немножко того,—произнесъ онъ пьянымъ, запинаящимся голосомъ. Очень пріятно, очень...

Онъ протянулъ руку и шагнулъ къ Хорвату, но спотыкнулся и чуть не упалъ.

— Не немножко, а даже очень „того“,—сказалъ тотъ, поддерживая его.—А потому вамъ самое лучшее было бы идти теперь домой... бай-бай, на постельку. Пойдемте-ка, я васъ немного проведу.

И, взявъ его подѣ руку, онъ повелъ его къ двери.

Петръ Герасимовичъ шелъ покорно, не сопротивляясь. Но на порогѣ, поднявъ голову и увидѣвъ стоявшихъ въ коридорѣ товарищей, сразу остановился. Онъ только теперь вспомнилъ о томъ важномъ зачѣмъ сюда пришелъ, о чемъ ему твердили три часа подрядъ, что настойчиво вдалбливали въ его отуманенную, слабую на вино голову. Онъ круто повернулся, надулъ щеки и, задравъ голову, чтобы смотрѣть въ лицо Хорвата, бывшаго на добрыхъ полѣ-аршина выше него, прокричалъ высокимъ, тонкимъ голосомъ:

— Гдѣ моя жена?

— Такъ, Петенька, такъ!—раздался изъ коридора одобрителный возгласъ.

Хорватъ съ надоедливымъ видомъ пожалъ плечами.

— Софья Андреевна? Не знаю... Почему могу я знать? А что, развѣ она отъ васъ сбѣжала?—усмѣхнулся онъ,

— Она тутъ!—И Петръ Герасимовичъ ткнулъ пальцемъ по направлению перегородки.—Софочка, выходи! Я тебя прощаю... Но я не позволю!.. Какой-то секретарिशко... Я не хочу, не позволю!

„Вотъ оно что!“ подумалъ Хорватъ. „Служебное самолюбіе взвинтили... Питайся съ кѣмъ хочешь, хотъ съ цѣлымъ городомъ, но съ подчиненными не смѣй. Соблюдай служебную іерархію... Идіоты!“

— Софья Андреевны за перегородкой нѣтъ,—выговорилъ онъ все также спокойно, становясь передъ Петромъ Герасимовичемъ и заграждая ему дорогу. — Но пустить васъ туда я все-таки не могу, такъ какъ тамъ—другая женщина, и вы сами, какъ порядочный человѣкъ, должны понимать, что ея никто не долженъ видѣть.

Казалось, эти слова сильно удивили Петра Герасимовича. Онъ нахмурилъ брови и, стараясь ихъ понять, усиленно теръ переносицу. Потомъ опять улыбнулся.

— Понимаю, понимаю, — закивалъ онъ головой. — Другая женщина... Понятно, понятно... Я всегда говорилъ, что секретарь — порядочный человѣкъ... Не симпатичный только... Да, да—несимпатичный... Не обижайтесь, душечка... Что правда, то правда... несимпатичный, но зато — порядочный... Но и шельма же!.. Ухъ, какая шельма!.. Хе, хе, хе!

И продолжая хохотать пьяно и добродушно, онъ грозилъ Хорвату поднятымъ пальцемъ.

— Ну, и прекрасно,—сказалъ тотъ.—А теперь—отправляйтесь-ка домой.

Онъ опять взялъ его подъ руку и повелъ къ двери. Но въ это время изъ коридора раздался басистый голосъ:

— Не вѣрь, Петенька, онъ тебя дурачить. Клянусь честью, что за перегородкой находится Софья Андреевна. Посмотри и убѣдись самъ. Требуя, чтобы онъ тебя пустилъ. Чортъ возьми! Ты законный супругъ и имѣешь право требовать.

Это говорилъ высокій, плотный господинъ, съ одутловатымъ краснымъ лицомъ, мѣстный богатый пивоваръ Борщевъ. Онъ даромъ поилъ пивомъ во время земскихъ собраній гласныхъ, а въ остальное время—управу, за что удостоился избранія въ почетные ея члены,—звание, земскимъ положеніемъ непредусмотрѣнное. Недавно женившись во второй разъ, онъ подозрѣвалъ жену въ близкихъ отношеніяхъ съ Хорватомъ, а потому ненавидѣлъ послѣдняго отъ всей души. Именно онъ и устроилъ сегодняшній скандалъ, нанявъ людей, прослѣдившихъ Софью Андреевну и Хорвата, а затѣмъ напоивъ и взвинтивъ Петра Герасимовича. Онъ надѣялся, что послѣ такого скандала Хорватъ долженъ будетъ оставить мѣсто въ управѣ, а потомъ—и самый городъ, гдѣ ему—человѣку не мѣстному, постороннему—нечего будетъ дѣлать. Понятно поэтому,

что благополучный исходъ скандала совсѣмъ ему не улыбался и, видя, что къ этому клонится дѣло, онъ рѣшилъ вступиться, несмотря даже на то, что въ душѣ былъ трусъ и побаивался Хорвата. И цѣли онъ достигъ, такъ какъ Петръ Герасимовичъ, послѣ его словъ, совсѣмъ, казалось, остервенился. Наклонивъ голову и замахавъ руками, онъ полѣзъ на Хорвата, стараясь пробраться за перегородку.

— Пусти! Я самъ посмотрю!—кричалъ онъ, захлебываясь.—Я законный супругъ, имѣю право требовать... Пусти! Меня дурачить... Не позволю!.. Я—предсѣдатель, ты—секретаришко... Не смѣешь! Я къ губернатору поѣду... Пусти!

— Такъ, Петенька, такъ! Бодай его, бодай! Чего на него смотрѣть?—опять раздался басистый возгласъ, покрытый одобрительнымъ хохотомъ остальныхъ зрителей.

А Хорватъ, сверхъ чувства гадливости, возбуждаемаго прикосновеніями разгоряченнаго тѣла, отъ котораго пахло потомъ и летѣли слюнные брызги, ощущалъ какъ мало-по-малу въ немъ поднималась холодная злоба, которая,—онъ это зналъ—если дать ей выходъ, при его огромной физической силѣ, могла повести къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Поэтому онъ напрягалъ всю свою волю, чтобы ее подавить. Лицо его сдѣлалось совсѣмъ ледянымъ, мертвымъ, и лишь глаза горѣли такимъ блескомъ, что, встрѣчаясь съ ними, помощникъ исправника, попавшій въ коридорную компанію случайно, находясь въ періодѣ запоя, каждый разъ отворачивался и долгое время не рѣшался смотрѣть въ комнату.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Хорватъ рѣшительно не зналъ, какъ ему быть. Если бы Петръ Герасимовичъ былъ трезвъ, тогда—совсѣмъ другое. Но что подѣлаешь съ человѣкомъ, пьянымъ почти до безчувствія, который завтра же, проспавшись, не будетъ помнить о случившемся? Вытолкать его изъ комнаты было бы совсѣмъ легко, но потомъ? Ясно, что при его невмѣняемомъ состояніи, онъ не оставитъ намѣренія пробраться за перегородку, да и компаньоны не позволятъ ему этого. Опять онъ станетъ ломиться въ дверь и такъ безъ конца... А злоба, бѣшеная злоба, несмотря на усилія воли, все растетъ и растетъ, и онъ чувствуетъ, какъ скрючиваются его пальцы, стремясь желѣзными тисками обхватить жирную, красную шею, какъ сжимается въ кулакъ рука, невольно поднимаясь, чтобы однимъ ударомъ покончить съ надоѣдливой, вонючей, присосавшейся, какъ прутъ, гадиной.

Въ это время въ отворенномъ окнѣ показалась небольшая лысая головка, съ краснымъ, собраннымъ въ комочекъ личикомъ и ши-

рокимъ, до ушей, ртомъ. Быстрыми мышиными глазками окинувъ комнату, личико, точно гуттаперчевое, сжалось въ гримасу и хрипло прокричало:—Ку-ка-ре-ку! Вотъ и я!—потомъ, встрѣтившись глазами съ Хорватомъ, мгновенно исчезло.

То былъ городской забавникъ и шутъ—мѣстный судебный приставъ,—который, соскучившись сторожить на улицѣ и снѣдаемый любопытствомъ, рѣшилъ его удовлетворить, взобравшись на плечи своего пріятеля—нотаріуса.

А Хорвату это неожиданное явленіе указало на тотъ выходъ, котораго онъ такъ искалъ. Лицо его оживилось, онъ улыбнулся и, поднявъ продолжавшаго барахтаться Петра Герасимовича, какъ ребенка, понесъ къ окну, перехватилъ его тамъ подъ мышки, высунулъ наружу и на вытянутыхъ рукахъ опустилъ внизъ. Убѣдившись, что между судорожно-болтавшимися ногами и землею всего нѣсколько вершковъ, онъ разжалъ руки, и Петръ Герасимовичъ упалъ—сначала на ноги, но не удержался и мѣшкомъ опустился на землю.

Произошло все это такъ быстро, что когда Хорватъ, отойдя отъ окна, направился къ двери, стоявшая въ коридорѣ компанія не успѣла придти въ себя, точно окаменѣла.

— А вы зачѣмъ же еще здѣсь?—насмѣшливо спросилъ Хорватъ. —Представленіе кончилось, пора и расходиться. Впрочемъ, если кому нибудь особенно понравился этотъ сокращенный путь, и онъ, въ свою очередь, желаетъ его испробовать, я готовъ... Господинъ Борщевъ, неугодно-ли вамъ?

И онъ шагнулъ къ почетному члену управы.

Но тотъ, багрово покраснѣвъ, круто повернулся и рысцой побѣжалъ по коридору. Вслѣдъ за нимъ, быстро сѣменя ногами, послѣдовали два неразлучные собутыльника,—два Аякса, какъ ихъ называли,—помощникъ земскаго агронома и смотритель сельскохозяйственнаго склада, и лишь помощникъ исправника—худой, высокій, съ блѣднымъ испитымъ лицомъ старикъ—нерѣшительно затоптался на мѣстѣ и выговорилъ заплетающимся языкомъ, смотря на Хорвата тупо-вытаращенными круглыми глазами:

— Ужъ вы меня извините, Артемій Артемьевичъ... Я... того... запилъ... Не знаю, какъ сюда и попалъ.

Хорватъ, говорившій, что Снѣжинъ — типичный гоголевскій городъ, такъ какъ въ немъ всего на всего одинъ порядочный чело-вѣкъ—помощникъ исправника—да и тотъ страдаетъ запоемъ, отвѣтилъ почти добродушно:

— Полноте, Иванъ Афанасьевичъ! Я не обидчивъ, да, въ сущности, и не на что. Перепились, какъ скоты, пошли на дурацкое дѣло, ну, и остались въ дуракахъ.

Онъ затворилъ дверь, на всякій случай прислонился къ ней спиной и тихо позвалъ:

— Софочка!

И тотчасъ же изъ за перегородки выскочила Софья Андреевна и—красная, возбужденная—бросилась къ нему.

— Наконецъ то! Я чуть тамъ не задохлась и отъ смѣха, и отъ злости... отъ злости, впрочемъ, больше... Каковъ подлець Борщевъ! „Клянусь честью, что тамъ Софья Андреевна“... Припомню я ему!.. Да и Петька тоже хорошъ! И что вы съ нимъ такъ нѣжничали? Я бы на вашемъ мѣстѣ... Ну, да отъ меня онъ не уйдетъ!.. Я ему еще покажу, я...

— Показывайте ему, что хотите, но только потомъ,—прервала ее Хорватъ.—Теперь же вамъ надо скорѣй уходить. Еще неизвѣстно, что могутъ надумать эти господа. Отворите ту дверь, тамъ васъ ждетъ здѣшній буфетчикъ, который васъ и выведетъ.

— Иду, иду!—заторопилась Софочка.—Но вы, Арти, какой вы все-таки молодецъ! Душка, милый, герой!

И, пославъ ему воздушный поцѣлуй, она скрылась за дверью.

Хорватъ зашелъ за перегородку, вымылъ руки, привелъ въ порядокъ смятое въ борьбѣ платье, потомъ сѣлъ на диванъ, налилъ въ стаканъ вина и съ удовольствіемъ выпилъ.

„А въ концѣ концовъ, все—къ лучшему“, думалъ онъ, закуривая папиросу. „Теперь его уже никто не станетъ удерживать, и онъ завтра же откланяется.“

Какъ только запахло весной, Хорвата неудержимо потянуло вонъ изъ города—къ водѣ, въ поля и лѣса, и онъ съ мѣсяцъ назадъ заявилъ въ управѣ, что уходить. Но тогда Петръ Герасимовичъ, вмѣстѣ съ другими членами управы, упросилъ его остаться. Онъ, былъ незамѣнимымъ работникомъ, на немъ держалось все дѣло—производство управы, которое онъ принялъ полтора года назадъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, такъ какъ служащіе ничего не дѣлали, являлись на службу не ранѣе десяти часовъ утра, уходили съ нея, когда кому вздумается. Сплошь и рядомъ, просителямъ, пріѣзжавшимъ за нѣсколькими десятками верстъ, приходилось, прождавъ цѣлый день, уѣзжать ни съ чѣмъ, вслѣдствіе отсутствія завѣдующаго тѣмъ столомъ, въ которомъ у нихъ было дѣло. Хорватъ многихъ уволилъ,

подтянулъ остальныхъ, и дѣло наладилось. Требуя работы отъ другихъ, онъ самъ работалъ больше всѣхъ, приходя въ управу первымъ, оставляя ее послѣднимъ. А на очередномъ осеннемъ земскомъ собраніи гласные были пріятно удивлены, ознакомившись съ обычными докладами по отдѣльнымъ отраслямъ земскаго хозяйства,—докладами, которыхъ прежде никто не читалъ, вслѣдствіе ихъ запутанности и неясности, и которые теперь, составленные Хорватомъ, производили впечатлѣніе талантливыхъ очерковъ, написанныхъ ясно, живо и дѣловито. Понятно, что лишиться такого секретаря, за которымъ председатель и члены чувствовали себя, какъ за каменной стѣной, было не особенно пріятно и, когда Хорватъ подалъ въ отставку, они общими силами уговорили его остаться, за свой рискъ и страхъ увеличили ему даже жалованье, рѣшивъ выплачивать эту прибавку изъ личныхъ средствъ въ томъ случаѣ, если она не будетъ утверждена собраніемъ. И Хорватъ тогда остался, выговоривъ, однако, трехмѣсячный отпускъ тотчасъ послѣ экстреннаго земскаго собранія, которое должно было состояться въ концѣ мая. Ну, а—теперь совсѣмъ другое дѣло. Остаться въ управѣ, послѣ того, что сейчасъ произошло, конечно, нельзя. Теперь уже никто удерживать его не станетъ и онъ завтра же объявитъ, что уходитъ. А затѣмъ найметъ гдѣ нибудь въ деревнѣ избу и проблагодушествуетъ цѣлое лѣто... Хорошо!”

Онъ всталъ и сладко потянулся. Потомъ взглянулъ на часы. „Однако, Левашко куда-то запропастился. Не случилось ли чего? Пожалуй, и на митингъ опоздаю“, подумалъ онъ. Но въ это время дверь отворилась и вошелъ буфетчикъ. Онъ служилъ въ гостиницѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, со времени ея основанія, составилъ себѣ порядочный капиталъ и былъ владѣльцемъ того дома, гдѣ снималъ квартиру Хорватъ, къ которому, благодаря его щедрости, чувствовалъ большое расположеніе.

— Ну, какъ, благополучно?—спросилъ Хорватъ.

— Такъ точно, Артемій Артемьевичъ, онѣ теперь уже дома. Не извольте беспокоиться. А я, извините, задержался немного внизу... послушать, что говорятъ. Любопытно-сь, и смѣху сколько-сь, и всѣ въ одинъ голосъ...

Но Хорватъ, очевидно, не интересовался тѣмъ, что говорятъ, и перебилъ словоохотливаго буфетчика.

Спасибо вамъ, Левашко. Вотъ получите: за номеръ, за вино, а сдачу оставьте себѣ.

— Очень вами довольны-сь, Артемій Артемьевичъ,—сказалъ бу

фетчикъ, съ видимымъ удовольствіемъ опуская въ жилетный карманъ 10-рублевую бумажку.—Но зачѣмъ же-съ? Я и такъ завсегда готовъ вамъ послужить... Кому же и служить, какъ не своему постояльцу-съ?

— А за дверь пусть хозяинъ требуетъ съ тѣхъ, кто ее сломалъ.

— Ну ужъ, гдѣ же-съ!—махнулъ рукой Лешко.—Само начальство присутствовало... А времена нынче—строгая, какъ разъ и гостиницу прикроютъ...

И вдругъ онъ не выдержалъ и, отвернувшись, громко прыснулъ:

— А хорошо вы ихъ высадили-съ, ей, ей—хорошо! И силища же у васъ, Артемій Артемьевичъ. Прямо—диву даешься—богатырская...

Хорватъ улыбнулся, кивнулъ головой и вышелъ.

II.

У спуска къ пристани, гдѣ нанимали лодки для катанія по рѣкѣ, шагаль взадъ и впередъ здоровый, упитанный, съ толстыми красными щеками, жандармскій унтеръ-офицеръ, и Хорватъ тотчасъ же подумалъ, что его присутствіе должно имѣть связь съ той сходкой, на которую онъ спѣшилъ. „Что-то новое. Очевидно, рѣшили на этотъ разъ не допускать ее совсѣмъ. Должно быть испугались приѣзда „главаря“.

— Артемію Артемьевичу—наше нижайшее!—привѣтствовалъ Хорвата молодой прикащикъ—ярославецъ, завѣдовавшій сдачею лодокъ.—Прокатиться желаете?

— Здравствуйте, Иванъ. Моя лодка свободна?

— Свободна, свободна... Почитай, всѣ свободны... Не на сходку ли собрались?—понизилъ онъ голосъ.—Такъ ее отмѣнили... Отказъ... Видите, идолъ шагаетъ... Всѣхъ и распугалъ... Черти, дьяволы, чтобъ имъ пусто было! Одинъ подрывъ комерціи, хоть совсѣмъ дѣло бросай.

И онъ сердито сплюнулъ въ воду, косясь на продолжавшаго шагать жандарма, который какъ разъ въ эту минуту громко, во весь ротъ зѣвнулъ и, словно испугавшись неожиданно выскочившаго звука, остановился, повернулся къ пристани спиной и сонными глазами уставился въ торговку—бабу, продававшую съ лотка сѣмячки и разныя дешевыя сласти.

— Почему леденцы, тетка?—спросилъ онъ отрывисто и, не выждавъ отвѣта, повернулся и снова лѣниво и мѣрно зашагалъ по набережной.